

Автор - Юрий Октябрьев, Курск (Россия).

Маски

Если снять посмертную маску с моей последней любви,
потом с предпоследней
и так далее по возрастанию срока давности,
а слепки развесить в простенках спальни
как набор экзотических ритуальных личин,
то мне будет о чём побеседовать с каждой из них
ненастными вечерами, когда скулы сводит от одиночества.
И тогда же бесспорно ясным станет одно:
все эти маски в чём-то неуловимо схожи,
словно сняты с лица одной и той же любви,
самой первой,
чей образ в памяти практически неразличим,
но остался в ней тромбом, что никак не оторвётся,
сгустком из робких касаний пальцев, ладоней и плеч,
дрожи опущенных век под сохнувшими от дыхания губами
и замирающего биения жилки на тёплом виске.

Только маски этой любви не будет среди остальных,
потому что она ещё не умерла.

Дождит

А за окном дождит, и ничего
не происходит нового в природе,
которой дела нет до одного
события, случившегося вроде,
а вроде и не стоящего быть
событием, достойным полуслова:
стоять, молчать и в форточку курить
давно и окончательно не ново.

И не нова преамбула любви
от «я люблю» до «завтра не свободна»,
она уже ничем не удивит,
ни шифром снов, ни сплином непогодным,
лишь полотенца розовый комок
дохнет в лицо твоим послушным телом,
да сухо щёлкнет челюстью замок,
переводя возможности в пределы.

Но даже если их не замечать,
взять с полки зонт и выбраться наружу –
там той же неизбежности печать
определяет форму каждой лужи,
и в строках дней – сплошной системный сбой
в давно уже наскучившем центоне,
и тот же дождь, приласканный тобой,
собачьим носом тычется в ладони.

Близнецы

Этот город сед, в триста стен одет
и застёгнут на кнопки окон,
ходит он вокруг, не злодей, не друг,
задевая шершавым боком.
Деловит и скуп, зачастую груб,
раз погладит, а два ударит,
он и швец, и жнец, на дуде игрец,
но при этом – не славный парень.

Он идёт за мной как библейский Ной,
выбирая кому-то в пару,
но который век на его ковчег

мир никак не приладит парус.
Нет резона плыть, если держит нить,
хоть тонка – но прочней швартова:
город в паре сам, и без слёз и драм
не заманит к себе второго.

Тот приходит в срок, миновав порог
приоткрывшего дверь заката,
весельчак, мудрец, и притом – близнец,
плоть от плоти дневного брата.
Чародей, артист, иллюзионист
в балахоне ночного шёлка –
он в душе поэт, и вплетёт в сонет
то, что брат превратил в осколки.

Напустив туман, он сметёт в карман
шелуху от дневных раздоров,
вскинет свой тотем и напомним всем,
что по сути он тоже город.
Промелькнув в окне, он зайдёт ко мне,
створку рамы качнув без скрипа,
чтоб от всех тайком, словно птице корм,
свежих снов на ладонь насыпать.

Олег Евгеньевич Писарев

СП